

Николай ФОТЬЕВ ● ТИМОФЕЕВ БЕРЕГ

РАССКАЗ

Теперь долина Каменушки пуста. От верховий до устья с одной стороны сопровождают ее крутые и солнечные склоны, с другой — пологие и тенистые. На крутяках лес редок или вовсе нет его и растет только лещина да невысокая желтоватая травка, похожая издали на мох или молодую шерстку. На «северах», наоборот, курчавятся дубняки, березники, осинники, ольховник, разный полесок и, по-особому, — зеленые острова сосен. На верхах, по гривам, — тоже лес.

На выходе к Амуру долина веером раскрывается на полдень, а речка сворачивает влево, прижимается к горе, прячется там в непролазном болотном тальнике, а потом, как бы стыдясь, вся открытая, тихонько пробирается через каменную косу к большой воде. Справа от нее, до самой противоположной горы, спадающей к Амуру, остается веселый луг-прилавок.

Вот на этом прилавке и стояло когда-то селение Сухотино, основанное еще в прошлом веке. Берег здесь сух и очень высок, спускается к Амуру двумя уступами. Верхний уступ — обрыв из рыхлого суглинка и дресвы под ним, а нижний — узкая каменно-галечная гряда в полкилометра длиной, крутым откосом уходящая в воду. Течение внизу у гря-

ды мощное и глубокое. В любую пору навигации тут могут приставать большие и малые суда. Иногда в погожие дни по всей этой быстрине гулко бьют хвостами верхогляды, а на зорях по-дельфиньи вздымаются из глубин толстые, как бревна, калужата.

Для жизни люди всегда выбирали подходящие уголья. Но здесь было еще одно обстоятельство. Сухотинцы, то есть тогдашние амурские казаки, должны были охранять тут границу.

Пашенных угодий вблизи не нашлось — пахали в верховьях Каменушки на «полатях» и не крутых покатых. Косили по островам, луговинам и лесным еланям. Главным в хозяйстве были лошади. Остальное для жизни давали лес, сопки, река. Кабанов да коз и нынче тут изрядно, а в ту пору — и подавно. С рыбой было и того проще.

Во время интервенции в Сухотино побывали японцы, кое-какие дома порушили и пожгли. И без того небольшое селение стало еще меньше. Конечно, оно могло и разрастись. Но вышло по-другому. Для колхоза здешние уголья не годились, а каким-либо промыслом занимается и вовсе не было расчета; правда, одно время жгли известку. Село постепенно разъехалось, опустело. Одни постройки пошли на дрова, другие сплывили куда-то по Амуру.

Первый раз я видел Сухотино проездом — с теплохода. Потом, в отпускное время, мы, четверо заядлых рыболовов, приехали сюда специально.

В Сухотино к тому времени оставалось только три крыши. На косогоре виднелись судовые створы и лепилась избенка бакенщика Кости. Костя был человек работающий и домочадцам не давал лениться. Вокруг избенки всегда громоздились створные щиты, какие-то доски, крестовины, бревешки, чурки, поленницы и вороха хвороста. Все это надо было таскать на себе с Амура в гору, метров на сто и больше. В распоряжении Кости был чумазый допотопный катерок с низкими бортами, на котором он плавал по створам и бакенам. Коренастый, жилистый, смуглый, редко брившийся, лет сорока пяти, Костя был такой же копченый, мазутный и сумрачный с виду, как и его катерок. У всякого незнакомого человека Костя требовал документ: граница все-таки. Как мы потом узнали, и работа Косте нравилась, и то, что он был тут главным.

Ниже по берегу, метрах в ста от Кости, стояла еще одна изба. Вокруг нее постоянно трепалось на ветру развешанное

на веревках ребячье бельишко, а у тропы на полянке, спускавшейся к реке, маячили белоголовые фигурки. Ребята ловили кузнечиков для наживки на удочки, гонялись за змеями, которых тут было предостаточно, играли в свои игры.

А там, где когда-то была середина села, одиноко высилась серая изба деда Тимофея, который и родился тут, и старуху похоронил, и теперь, когда жил где-то у сына, каждый год приезжал сюда на лето. Приезжал — и никому не давал ломать эту избу, эти стены, в которых прошла вся его жизнь. И Косте наказывал беречь.

Мы явились сюда на лодке и приткнулись ниже устья Каменушки за утесом. Собственно, это был не утес, а то, что осталось от него да от каменистого мыса, лемехом выступавшего в Амур. Сюда же весенними льдинами нагрудило целое стадо многотонных валунов, меж которыми зияли гулкие пустоты и щели. Чтобы пройти, надо было прыгать с камня на камень. Тут же из воды, из самой глубины, подпирая все это каменное скопище, черным громадным стогом выступал главный камень. Амур обтекал его с глухим ворчанием, закручивая пенистые жгуты и воронки. Тут часто бились верхогляды, а среди полузатопленных камней таились щуки.

Пока мы спиннинговали, мимо нас откуда-то снизу на своем черномазом катере проплыл Костя. Плыл он так тихо, что казалось, вот-вот остановится и вода понесет его обратно. Но это, как потом выяснилось, был Костин маневр. Ему надо было хорошенько рассмотреть нас. Кто такие? В чем дело?

У нас уже и палатка стояла меж камней, и лодка была вытащена на сухое, и вещи разложены на валунах, и костерок сверкал.

После обеда мы с приятелем пошли рыбачить на Каменушку, двое остались у лодки. День был жаркий, душный, тихий, трудный для ходьбы. Одолевали пауты, которые нам, между прочим, пригодились: мы ловили их для наживки на хариуса. Попутно, пробираясь околицей бывшего села, наловили еще и кузнечиков; хариус любит всякую «насекомость».

Тут нас опять усек Костя. Он стоял на бугорке, у спуска к Каменушке, махал рукой и что-то кричал. Мы тоже помахали ему, но что он кричал — не слышали из-за шума речки. Решили, что просит закурить, а раз так — хлеб за брюхом не ходит, пусть сам подойдет. Постояли, подожда-

ли. Приятель напоказ вынул пачку «Беломора», закурил и этой пачкой опять помахал Косте. Но тот вдруг повернулся и исчез.

— Чего это он? — удивился приятель.

Мы пошли дальше по речке, сильно заросшей тальником, ольхой, черемухой, бояркой, дикой яблоней, свидиной, лещиной, шиповником и еще бог знает чем. Где вброд пробирались, а где в обход омутков, завалов и зарослей. Каменушка, дышавшая холодком, и нам помогала дышать. Иначе бы в такую жару-духоту, да в болотных сапогах, да в энцефалитках, да продираясь по нехоженным зарослям запарились бы сразу. Речка была совсем дикая.

Изредка стали ловиться хариусы-белячки. Попался и небольшой ленок. Теперь нами правил только радостный азарт, и ничто на свете для нас не существовало, кроме веселых струй Каменушки, перекатов и омутков, где таились невидимые шустрые рыбки.

Меж тем слева, у горы, где проходила дорога, все явственней слышался какой-то шум и голоса. Прислушались: гудит машина, хлопают дверцы, встревоженно перекликаются люди:

— Здесь они где-то!

— Далеко не ушли!

— Заходите выше! Наперерез!..

Приятель смотрит на меня, я — на него.

— То ли ловят кого?

— Похоже, — говорю я. — А может, из-за нас эта канитель? Может, надо было подойти к тому мужику-то?

— Да ну! С чего бы? Мы же открыто шли. Амуниция вся рыбацкая. Не видел, что ли?

— Давай покричим.

— Давай.

И мы в два голоса стали кричать: дескать, здесь мы. Ого-го-го-го-го-о!.. Но никто не вступил с нами в перекличку, — видно, не слышали. Тогда мы решили сами выйти к дороге, показаться и посмотреть, что там происходит. Но в этом кривуне оказались такие заросли, такие громадные кочки и колдобины, что пока мы выбирались, чуть не свалились от жары и духоты. А машина уже гудела где-то выше по речке, и оттуда опять доносились голоса.

Отдышавшись, мы опять, обливаясь потом, полезли к речке и, как только выбрались, немедленно сунули головы в воду. Охладились.

Возвращались уже по дороге, у горы, и она вывела нас на сухотинский берег, к Костиному катеру.

Над обрывом, спинами к нам, на куче досок сидели Костя в мазутном комбинезоне, дед Тимофей в солдатском обмундировании и ребяташки в пестрых рубашонках. Мы поздоровались. Тимофей и ребяташки сразу ответили, а Костя долго и недоверчиво рассматривал нас, так и не ответив на приветствие.

— Это вы по Каменушке ходили? — спросил он наконец.

— Мы.

— А пошто не подошли, када я махал вам?

— А что, собственно, случилось? Закурить, так мы ждали вас. Вы сами не подошли.

Вид у Кости был не то злой, не то удрученный. Словом, недовольный. Оглянувшись на ребяташек, он почему-то прогнал их домой.

— Вы незнакомые тут люди. На границе. Документ казать надо. Вот так вот...

— Так это вы нас и ловили? — засмеялся мой приятель. — Батюшки!.. А документы у нас там, на лодке.

— Вас он ловил, вас, — побряхтывая в смешке, сказал Тимофей, — да не спымал. Как же так, Коська? А?

— А мы кричали и на дорогу выходили.

— А чо вы кричали? Почему?

— Подумали, может это из-за нас вы там. Ну и кричали. Мало ли что.

— Вот именно. А где ж вы были? — допрашивал Костя, явно не веря нам.

— Как где? На речке. Вы же видели.

— А чо вы там потеряли на речке?

— Рыбачили.

— А кака така рыба может быть на эдакой речке?

— Ну, хариус, например.

— Чо-то я здесь не слыхал про такую рыбу.

— А есть, есть, наверно, харюзишки в Каменушке, — поддержал нас Тимофей. — Только заросла она. Не пройдешь, поди. Мы, када пацанами были, дак лазили бывало.

— Ну и ка-ак? — опять допрашивал Костя.

А мы уже начинали злиться.

— Что — как?

— Рыбалка ваша?

— Да вот. — И мы потрясли брезентовым подсумком.

— Покажите.

Мы показали — килограмма два хариусов да ленок с полкилограмма. Тимофей удивился и вроде обрадовался, а Костя — наоборот.

— Разве это рыба! — сказал он недовольно. — Вон в Амуре надо ловить. Сомов там до черта, плетей, красноперок. Одна рыбина больше потянет, чем тут у вас. Эх, вы!.. А на чо вы ловили их, этих?

— На кузнечика. На паута. На червяка можно.

— А ежли... на таракана?

— Да говорят, хорошо берет.

— Ну этого добра завсегда сколь хошь...

Так в первый раз мы увидели Костю и Тимофея вблизи, познакомились.

Машина с народом, на которой Костя ловил нас, принадлежала ягоdnикам, приехавшим к нему из города, за сто с лишним километров. Было на ней человек пятнадцать. Вот их-то и организовал Костя. Да «не спымал».

Когда Костя снял с нас допрос и установил, что мы знаем кое-какое известное ему начальство, он мало-помалу начал отмякать. Сердитая начальственная отчужденность сошла с лица, и он стал хвастаться:

— А меня тут все пароходство знает. Снизу доверху. Только спросите Костю-бакенщика. Больше ничего объяснять не надо. Все ездят ко мне.

Знать его и впрямь, наверно, знали. Многие ездили сюда, кто порыбачить, кто поохотиться, кто по грибы да по ягоды, кто просто отдохнуть.

Потом Костя пожаловался: дескать, хоть и работы много, а бывает порой и скучновато тут, хочется со свежими людьми побеседовать. Намек мы поняли и вечером приплыли сюда с двумя бутылками.

Сидели на тех же досках, при костре. Беседовали, выпивали и закусывали Костиным луком да нашими консервами. О себе, да о городе, да о международном положении мы успели рассказать еще где-то между первым и вторым «разливом». А теперь говорили хозяева — Тимофей да Костя. Правда, Тимофей уже не раз собирался уйти — спина не дюжила сидеть долго, но, потоптавшись, опять усаживался.

...— Сичас-то, Коська, мне, однако, восемьдесят есть уже? — спрашивал Тимофей.

— Да есть, наверно. Ты же и родился тута.

— Тута. И старуха — тута. И никуда не уеду.

— Он у нас каждое лето к себе приезжает, — сказал Костя, кивая на Тимофея. — Другие в города рвутся, а он — из города сюда.

— А я и зимовал бы. Да изба-то... Дрова-то кто готовил бы, таскал бы. И глаза совсем плохи стали.

— Нельзя тебе одному, — соглашался Костя. — Давай уж так вот как-нибудь.

Костя разговор старался вести так, чтобы и сам он и Тимофей предстали перед нами в самом хорошем виде. Вон у Тимофея-то имеются серебряные именные часы. Подарок за поимку диверсанта. Давно уж дело было. Зимой ехал Тимофей по Амуру с мельницы. Незнакомый человек подъехать попросился. Разговорчивый больно. Всем интересуется. Тимофей подвез, берданку из-под сена выхватил и сопроводил попутчика к пограничникам. Важная личность оказалась.

— А я так уж не вижу ничо на их, — зашевелился Тимофей, хлопотливо извлекая из внутренней части шаровар серебряную луковицу часов. — Глянь, Коська. Не стерлось?

Костя глянул и сказал:

— Все в порядке, деда. За отличие по охране государственной границы СССР. Именные.

— Ну, так. Серебряные. Не ржавеют, идут как новые до сих. А ведь када было-то! Считай, када колхозы зачинались... Колодцы тут травить кой-кто собрался, скотину, лошадей губить. Да и народ — тоже.

Поблескивая в свете костра часами и такой же серебряной цепочкой, Тимофей долго устраивал свою награду, сначала куда-то под гимнастерку, потом — под шаровары.

— Конечно, сейчас многие часы носят. Даже пацаны, — сказал Костя. — А тада — это же как большой орден. За особые заслуги давали.

— Оно так, — согласился Тимофей и начал задремывать.

По травянистой тропинке мы отвели Тимофея в его избу. Дорогой он сокрушался, что в темноте совсем не видит, и все протягивал вперед руки, боясь наткнуться на что-нибудь, хотя, конечно же, он помнил тут все до щепочки.

— Сейчас прясло будет. Дак левей берите, а то яма там с крапивою и стеклами... А жердь-то содвиньте. Ее, жердь-то, видно будет — березовая... А на крыльцо с лица заходите. Там ступеньки-то крепче...

Даже в темноте видно было, что изба Тимофея по самые окна заросла дурной травой, которая обычно прет, когда из-

давня обжитое место перестает топтать нога человека.

В избе было пусто, гулко и темно. Пахло подпольем и холодным печным нутром. Погудывали мухи и комары.

— Ноги-то ничо ишшо. На солонцы сходил бы. А вот глаза, язвы их... Очки перестали помогать.

Тимофей указал, где нам искать лампу, и мы нашли ее на припечке печи, у чувала.

— Свечек мне привезите вдругорядь да махорки. Не могу никакой другой табак курить.

Мы пообещали ему привезти еще и аккумулятор с лампочкой.

Тимофей снял солдатскую амуницию и, оставшись в исподнем, показался более домашним, благообразным и выше ростом. Он был костист, узловат, держался еще довольно прямо. Борода у него была совершенно круглая, серая, похожая на осное гнездо. И голова — такая же. То есть, когда-то он был темно-русый, а теперь весь поседел и стал вот таким пепельно-серым. Такими же были у него и лохматые брови и волосы на груди, отчего весь он похож был на большого шмеля.

— Вы бы, ребята, шли ко мне жить-то. Скоко тут пробудете?

--- С неделю.

— Ну вот. Рыбу каку поймаете, дак всю и проквасите. А у меня колодец хороший. Лед в ем круглый год. Кто приезжат, дак всегда рыбу там держит. В мешок, на веревку и — туда. Свеженьку возьмете.

Мы обещали так и сделать. Пожелали деду спокойной ночи и ушли к лодке.

Назавтра переехали к Тимофею. Но жить стали не в избе, а в палатке, под обрывом, на каменной гряде. Тут было меньше комаров, ближе вода, не надо было всякий раз вылезать на высокий берег, и для костра вдоль гряды лежало много мелкого наносника. Конечно, мы навещали и Тимофея, принося ему то воды, то дров, то ухи и чаю. А рыбу хранили, как он посоветовал, в колодце, в мешке, на веревке. Там был настоящий холодильник. Иногда Тимофей и сам спускался к нам с берега.

И впрямь, тут неплохо ловилось. Сначала закидушки у нас были слабые, из тонкой жилки, и в первую ночь все их пообрывали и перепутали водяные жители. Но когда мы изготовили с десятков крепких таких же снастей да наживили свежими кузнечиками, то почти на каждой закидушке

оказалось по толстому сому, а то и по два. Целую неделю мы кормили здешних хозяев рыбой и для себя еще накопили в колодце у Тимофея почти с полмешка. Этот улов, по совету Кости, мы закоптили.

Всю неделю каждый вечер сидели мы при костре, то у палатки, то у тех досок, где встретились первый раз. Из Тимофеевых беглых и разноликих воспоминаний составилось у нас кое-какое представление о жизни, которая была тут в давние и в не такие далекие времена.

...— Ну, так как было... Поперва поселщики все ладились у реки. Амур-то, он и поил, и кормил, и лесом снабжал. У меня, вон, изба-то вся по Амуру пришла. В большую воду несет, бывало, лесины. Ну и не ленишься, имашь их. У меня только оклад из листвяка. А стены-то больше из этой... как ее, Коська?..

— Из чезёнии. Здесь она не растет.

— Ага. Где-то вверху, на притоках да островах растет-то. Зачнет остров мыть — и несет, и несет. Большие лесины-то, дельные. А лист на ей неказистый, как на талине. И корой она на талину похожа. Ну, поймашь, да обрубешь сучья, да раскряжешь, да ошкуришь тут же у воды, так она сверху-то — вся красная, свекольная. А потом тускнет, как осина. Только крепче осины-то.

О чезении я слышал. В верховьях Зеи, на приисках, старатели в прошлом веке рубили из нее тепляки и избы. Иные до сих пор стоят — не берет время. Позже на речках приамурского севера я видел чезении воочию, и они удивили меня очень прямыми, гладкими, высокими стволами с вершинами, похожими на тростниковые метелки. Стоят, шумят, качаются вразнобой.

...— И другой всякий лес. Заготовишь, да по реке и плавишь. И сено плавили на плотках-то. Найдешь луга, накопишь, да там же где-нибудь и плоты навяжешь. И плот плывет, и стога на ем, и кони. Правда, сена-то нам не так много надо было. Лишние кони да молодняк, считай, всю зиму на воле бегали. Уходили, бывало, и на ту сторону, в сопки. И китайский скот на нашу сторону заходил, заплывал. Ну, так тут уж мы по-соседски разбирались. И в гости ходили, купить чего или займы взять. Это уж теперь они на нас так...

...— Я-то не большой рыбак был. Охотник больше. А мужики которы, мастера были. На самолоры брали калуг,

на сплавные сети и неводами. Ну, дак самых-то больших рази поймашь? И сети порвут, и невода... Правда, на самолоры попадались. Бывало, конями вытаскивали. До тридцати пудов. А есть-то и больше раза в два. И беды с ними бывали. Зимой, эдак, мужик чужую снасть проверял. Позарился. Не рыбацк был, без понятия. Потянул из майны самолор с крючками, а она, матушка, сидела уж на ем. Как пошла, как пошла назад! А крючки-то и повпивались в разны места мужику. Крепкие они делаются, стальные. С хороший гвоздь толщиной. Ну и утащила его под лед. После-то сперва утоплого вынули, а потом уж ее. Крючья-то надо отвязывать в таком разе...

...— А то, дак сосенку таскала. Китайский самолор порвала — да к нашему берегу. И сосенку за собой таскат. То ли эта сосенка сама подценилась где, то ли самолор сразу был за ее привязан. Ну, один мужик и усек. Сел на лодку и — вдогон. Схватился за ветки, а она и его вместе с лодкой прет. Тот кричит: «Помогите», а кто поможет? Страда была, народу в деревне — шаром покати, нету. И утащила она его мимо своей деревни, аж до другой. Там услышали его, помогать кинулись. А все одно, ушла. Напужали ее...

...— Раньше, осенями, тут и кета ловилась. Это же какие версты шла! Почти три тыщи. До чего сильная рыба! Да все под тем берегом шла-то. И друга рыба, почто-то, там больше держится. Там, глядишь, ловят, а у нас — нету. То ли уж они мастера особые... А сазана сколь было! Как чушки! Куда подевались? И то сказать: брезгливая рыба, осторожная...

Были у нас с Тимофеем разговоры и о его былой охоте, и о контрабандистах-спиртоносах, ходивших через Амур почти до тридцатых годов, и о разных событиях, и об изменении климата, и о всяких здешних людях.

...— Сашку-то Алейникова знаете? Нет. А герой он Сашка-то. В сорок третьем или сорок четвертом дело было. Японцы ишо на той стороне стояли, вроде тревогу делали. Даже стреляли, бывало. Насчет ихнего оружия не знаю, врать не стану, а корабли имели хорошие. И все под наш берег лезли. А Сашка-то служил тада старшиной на катере. Дак вот. Один ихний военный катер досаждал шибко. Броня на ем, не боится ничего, по нашим протокам шарится и шарится. А Сашка-то свой катер спрятал за кустами, под островом и, как японец показался, он выскочил под нос ему да и накинул трос на кнехт на ихний. Пока те опомни-

лись, Сашка нос ихний к нашему берегу загнул да утянул далеко с разбегу. А протока-то не вся глубокая, мель посередь. У них катер больше, сильней Сашкиного, да вилять-то ему в узком месте неловко. А Сашка знай дергат, тянет туда-сюда. Ну и задергал японца-то, посадил брюхом на гальку, намертво. Стрелять нельзя было, дак он вот так наказал нарушителя. И не откажешься. У самого нашего берега сидит. Им бы, японцам-то сдаться сразу, а они все позакрывали и не пускают никого и мотор не глушат, грунт из-под себя вымывают. Долго так стояли, разговаривать отказывались. Да куда денешься...

...— Окопов тута — по всему берегу было! Заросли. Да и пусть зарастают. А там вон, километра с два отсюда выше по Амуру, падь выходит. Дак она называется Полковничья. Жил до революции один господин в отставке. Конюшни были у его, кони, работников держал.

...— А на речках-то, на многих, мельнички стояли. По сопкам, худо ли бедно, дороги тележные были проложены. Поди, дак тоже заросли уж. В другие места жизнь переместилась. А там-то, где полковник-то жил, така трава дурит, така трава! Стена. Ветром не продуват. Не выкоси вовремя, дак вся развалится на стороны, поляжет, искрутится. Скоко раз выжигали, а она все дурит...

Позже я был на том месте. От бывшей полковничей усадьбы кое-где остались лишь горелые столбы, чуть выступавшие над землей. И везде рос непролазный пырей-великан.

Да и само Сухотино уже зарастало. За бывшие здешние подворья уже дрались между собою разные хваткие травы.

На другой год в Сухотино мы побывали дважды: в начале отпуска и в конце. В первый раз Костя сказал, что сын, у которого дед Тимофей жил в городе, категорически не отпускал его сюда. Сын у него военный, в чинах, квартира хорошая. А деду ни город, ни квартира эта не нужны. Опять сюда прибыл. Где на поезде ехал, где на машине. А как до Амура добрался — так тут уж он всем известный. Его пограничники довели.

— Чудит старикан, — говорил Костя, когда опять сидел с нами у костра, — как маленький стал... Эт-та пожелал, чтоб я его колодец большими камнями обложил, а сверху новый сруб вывел. И обижать старика неудобно и ладить все это некогда, да и смыслу нет. Сам на ладан дышит. Ме-

ня вот-вот заберут отсюда: бакена теперь централизованно обслуживать будут. Третьей избы, как видите, нету уже. Хозяева в совхоз перебрались, а избу на дрова забрали. Я свою тоже на дрова запродам. Одна только Тимофеева изба и остается пока...

Еще мы узнали от Кости, что Тимофей недавно сильно занемог, и его те же пограничники спешно доставили в ближайшую больницу.

, — Как бы дорогой-то не рассыпался совсем, — горестно заключил Костя. — Сидел бы уж старый у сына, не чудил бы. И сын, говорят, хороший такой.

Когда мы съездили домой за продуктами и опять явились в Сухотино, Костя уже получил расчет и собирался покинуть этот берег. Он уж, наверно, десятый раз переезжал. Весь Амур изъездил. А Тимофей, к нашему удивлению, был тут. Оказывается, дорогой ему стало полегче. Он даже водки пригубил с каким-то знакомым начальником и потребовал, чтоб его немедленно доставили в Сухотино, где он намерен жить до холодов. Вследствие такого оборота дела Костя заключил, что «старикан начал капризничать, всяко разно».

Тимофей никого из нас не вспомнил и заново расспрашивал, кто мы и откуда. К тому же, он почти ничего уж не видел. Малоподвижные глаза его, казалось, сплошь были наполнены белесым дымом. Держался он суевливей и тревожнее обычного. То садился на свою деревянную кровать, застланную серым солдатским одеялом, то поднимался и, мелко переступая и шаркая ногами в ичигах, подслеповато шел в один или в другой угол переставить что-то, проверить, узнать. И нас заставлял что-нибудь искать да переставлять. Так, мы нашли ему сапожные колодки под печью, и он раза три спросил, нашли ли мы их, не покололись ли они, не разные ли какие и крепко ли ввинчены в них вытяжные кольца. Отыскали на чердаке старую козью шкуру и, выбивши из нее лишнюю шерсть и пыль, постелили под ноги ему, возле кровати. Слазили в подпол за стеклом, чтобы заделать дырку в окошке. На длинной проволоке подвесили лампу к потолку, чтобы она и невысоко была — руками достать — и от кровати недалеко.

Еще мы помыли Тимофею пол и набросали по углам, для освежения воздуха, полынных мелких веточек. И, наконец, натаскали камней к колодцу.

— Воза три-четыре падо камней-то, — указывал Тимо-

фей. — Да не круглых. Ну их. А плиткой чтобы. Круглые да мелкие не берите...

Мы не сразу представили себе, много это или мало — три-четыре воза. А когда стали уточнять, Тимофей даже рассердился на нашу непонятливость и сказал, что «воза — оне разные бывают. И по тридцать пудов бывают и побольше».

— А больше ничо с камнями не делайте, — строго приказал он. — Я Коське скажу, как и чо делать. Вы городские, дак неумехи. Не поймайте.

То есть, командуя нами и принимая доклады об исполнении, Тимофей был вроде и недоволен нами. «Маленько не так бы надо... Да ладно уж...». Он и впрямь «капрызничал». И совсем уж расстроился, когда мы не нашли на месте его бывшего пригона ни одного огурчика. Он будто бы сажал тут огурцы, и теперь они как раз должны были поспеть.

Стоя на прогнившем крылечке, которое мы тоже немного подладили, Тимофей указывал рукой:

— Да вон же, вон у столба-то, где коновязь была! Столб-то видите?

— Видим, — отвечали мы и разнимали руками дурную траву, которойросло тут невпроворот.

— Ну дак вот, там и ищите. Должны быть обязательно. Искали мы, искали и даже признаков никаких не обнаружили. Да и что тут могло уродить, в такой травище?

— Да как же так, ребята? Как же так. Столб-то видите? Ну?.. Это уж я не довижу, а вы-то, пошто такие? Ну?..

Наверно, когда-то, только не этим летом, Тимофей и в самом деле сажал огурцы. Да запомятовал.

Не дождавшись огурцов, он, ворча что-то, махнул рукой и, потоптавшись на скрипучем крыльце, ушел в избу. Там мы застали его сидящим на кровати в позе человека, от всего отрешенного. Казалось, он и не признал нас.

— Вы где стоите-то? — в который раз спрашивал он, и мы отвечали, что стоим, как и в прошлом году, напротив его избы, под обрывом, на каменной гряде.

— Вы там берегитесь да глядите. Граница все ж-таки... А часы-то, ребята, идут у меня? Ну-ко, гляньте.

Часы у Тимофея по-прежнему шли точно и тикали, как новые.

— А надпись-то знатка еще?

— Замечна, дедушка.

— А ну-ко, как там?

— Иванову Тимофею Петровичу, за отличие по охране государственной границы СССР.

— Оно так, — успокоился Тимофей.

В этот раз он уже с трудом открывал консервы, которыми его снабжали пограничники. Не мог принести дров и воды. Уезжая, мы нарубили ему поленичку, натаскали в кадку воды, оставили соли, свечей, спичек и мешочек крупы.

— Ишо кто пожалует, дак поможет. Пограничники попроведают.

Когда все, что было у нас, уложили в лодку и пришли попрощаться, Тимофей попросил нас выкосить вокруг избы траву и еще прокосить проход к берегу. Литовка висела на колке в сенцах. Когда дело было исполнено, Тимофей по прокошу пошел проводить нас.

— На тот год приедете?

— Постараемся. В это же время. В отпуск.

— Ну давайте. Приезжайте. Хорошо тутa. И рыба есть. Здесь вот, — указывал он круто под берег, где вовсе никакой воды не было, — сама глубина. Осетры держатся. А зимой мужики тайменя брали на дергалку...

Уплывая, мы несколько раз оглянулись, и, пока не зашли за каменный мыс, на берегу виднелась одинокая фигура Тимофея. О чем он думал, стоя на берегу? Ни в прошлом, ни в этом году мы не слышали от него, чтобы было трудно ему или обижался он на кого-то. Ни слова не было сказано и о смерти, будто еще много, много раз предстояло ему приезжать на этот берег.